

Илья Новак

Каббала!

*Часть сборника
Книга дракона (сборник)*

Илья Новак
Каббала!

«Автор»

2003

Новак И.

Каббала! / И. Новак — «Автор», 2003

ISBN 978-5-457-10727-4

«Эта работа кладовщика не предполагала ночных бдений. Но на службе все знали, что я не пью и застолья считаю глупым времяпрепровождением. И живу один. А охраннику Пете припекло отпраздновать Новый год дома, вот он мне и позвонил...»

ISBN 978-5-457-10727-4

© Новак И., 2003

© Автор, 2003

Илья Новак

Каббала!

(Пустое, ничем не заполненное пространство)

Эта работа кладовщика не предполагала ночных бдений. Но на службе все знали, что я не пью и застолья считаю глупым времяпрепровождением. И живу один. А охраннику Пете припекло отпраздновать Новый год дома, вот он мне и позвонил.

Я сел в метро и доехал до станции «Вокзальная». Тут сходились поезда дальнего следования и пригородные электрички. Было уже темновато, я пошел, сунув руки в карманы пальто, оно у меня длинное и темно-синее, куплено в секонд-хенде, а выглядит дорого. Солидно. Черный шарф и вязаная шапочка с помпоном довершали картину.

Снег не скрипел, слишком тепло, но ощущение все равно новогоднее. Может быть, из-за елки, водруженной в центре вокзала. Я пересек его и спустился в длинный, изгибающийся подземный переход.

У стен продавали апельсины, перчатки, семечки, тарань, лук, сало, картошку и кофе на разлив. Спереди доносились гармошечные подвывания и молодой голос: «Обязательно, обязательно, я лично на рыженькой женюсь...» Голос-то молодой, а вот дядя-гармонист, который здесь на посту каждый вечер, седой и вислощекий.

Я остановился, отдал гривну, и продавщица из большого двухлитрового термоса нацедила кипятку. Сыпанула туда гранул, сахара, перемешала и протянула мне. «Обязательно, обязательно, подберу себе на вкус...» На вкус – дерьмо кофе, растворимая пакость. «Но шоб была она симпатишная и слегка курносый нос...» Обжигаясь, я выпил кофе почти залпом, смял стаканчик, бросил и пошел дальше. «Но обязательно, обязательно...» Пожилой дядя с гармонью и молодым голосом, у ног его прямо на снегу стояла щербатая тарелка, в которой мелочь, заканчивал припев: «Но обязательно, обязательно рыжеватый цвет волоООО...» Я повернул голову, заслышав немилосердную фальшь. Он падал, гармошка расходилась, распахивалась, издавая исступленный, неестественный звук. Она визжала, и вместе с ней хрипел гармонист: «...ОСССС...» – заваливаясь на бок.

Дядя упал, брызги грязного снега разлетелись из-под него, и торговавшая рядом сморщенными яблоками бабешка в невообразимом есенинском зипуне ахнула.

Гармонь, издав умирающий аккорд, смолкла. Дядя лежал, широко раскинув ноги в ватных штанах, подогнув под себя одну руку, а вторую вытянув в мою сторону. Я поспешно шагнул дальше, уходя с направления, в котором указывала его рука, слыша за спиной возбужденные голоса и причитания: «поднимите его», «та скорую трэба», «может, сердце?».

Что за черт? Уже сотни раз я этого дядю здесь видел. Надо же, именно в тот момент, когда я мимо проходил...

За переходом остановка троллейбусов, и как раз один подъехал. На горку, до площади. Я вышел на Соломенке, здесь большущее бетонное здание института, в котором моя контора арендует полуподвальное помещение.

Совсем стемнело и сделалось как-то неприкаянно. Людишки мимо топали, кое-кто еще даже с елками, хотя до Нового года осталось всего ничего. Два раза Деда Морозы прошли, а один раз – пожилая Снегурочка. А дядя с гармонью-то? Упал – и нет его. Странно как-то, даже дико... Пришлось поднять воротник пальто, потому что снег пошел сильнее. Сквозь него фонари светились, как какие-нибудь фосфоресцирующие медузы в мутной океанской толще. Обойдя институт, я спустился по узкой бетонной лестнице и попал в заброшенный угол внутреннего двора, за которым уже ржавые, покинутые гаражи и свалка. Офис наш

находится в другой, более обжитой части, а производственный цех с воротами, обитыми полосами белого пластика, здесь. Я приостановился, вытер нос перчаткой и глянул по сторонам. Громада института, где светилась всего пара окон (это в нашем офисе, там еще мастер Руслан сидит, скорее всего) возвышалась слева, а справа – ржавые стенки гаражей за пеленой снега. Я вдруг увидел на ближайшем гараже какую-то фигуру, пригляделся: ё-моё, Дед Мороз! Он стоял, уперев руки в бока – темный силуэт на фоне размытого света фонарей. Стоял и смотрел вниз, на внутренний двор института. Пьяный, что ли? Что ему там делать, на гаражах?

Нет, совсем муторно стало на улице. И одинокая фигура на гараже производила такое тоскливое впечатление, что я быстро открыл ворота и вошел в цех.

...коридор, слева двери туалета, душевой, потом склада, потом просторная ниша, где охрана сидит. Я ждал этого. Ждал, чтобы убедиться еще раз: настоящая причина, по которой я приперся сюда в новогоднюю ночь, не выдумана мной. Между дверями туалета и душевой расстояние метров пять, а сами помещения – метра два шириной каждое. Не больше. Я встал и глянул на стену коридора между ними. Нет, не в порядке тут что-то, я прав таки. Давно меня это мучает, а теперь вот как раз есть возможность разобраться.

Охранника Пети уже нет, смылся, эгоист, домой, не дождавшись меня. Вот он, цех – все стены в белой пластмассе. Справа клеть подъемника и закуток наладчиков. Слева железная лесенка на второй этаж, копировальная комната и четырехсекционная печатная машина немецкого производства «Гейдельберг Друкмашинен Остевропа Гмбх», которую я так и называю – друкмашиной. Столы, где разложены календари с последнего заказа, поддон с бумагой, стеллаж с краской и тюк с ветошью. Здесь все пропахло полиграфией, густые химические миазмы висели в воздухе. Из радиоприемника играла музыка.

Тепло. Я снял шапку, почесал лоб. За друкмашиной – а она большая такая, три на восемь и два с половиной в высоту – кто-то ходил, доносились голоса. Я поднялся на второй этаж.

Собственно, второй этаж – это всего лишь доходящая до середины цеха широкая бетонная плита в двух метрах под потолком. Ее сверху покрасили и сделали ограждение, на которое я сейчас и облокотился. Внизу загудело, включился компрессор. Из-за друкмашины появился печатник Витя, повернул один из рубильников на щите. Компрессор умолк, а Витя ушел обратно.

Я спустился на первый этаж, повесил пальто, достал пачку «LM», из нее – сигарету, и прошел за друкмашину. Там помощница печатника Людочка в синем комбинезоне и ярко-зеленых резиновых перчатках полировала тряпкой жестяную пластину печатной формы, а Витя сидел на краю стола. Был он пузатый, толстолицый и в круглых очках. Мы с ним одного возраста, хотя он выглядит куда старше, лет на сорок. А я не пью, хорошо сохранился.

– А ты чего тут? – спросил Витя.

Я не успел ответить. Людочка, дунув на челку, разъяснила:

– Петро ж домой отпросился.

– Так ты вместо него на всю ночь?

Я улыбнулся Люде и кивнул Вите.

– Вы долго еще?

– Меня муж прибьет, – пожаловалась Людочка плаксиво. – Я ж почти ничего приготовить не успела.

– Да нет, мы закончили уже эти календари. Сейчас идем.

– А, ну ладно... – Я стоял, все еще разминая сигарету и вспоминая, где спички. Сунул ее в зубы, хлопнул по карману джинсов – а спички-то в пальто, кажется. Собрался было подойти к вешалке, но Витя достал розовую зажигалку и щелкнул ею.

– Когда заходил, грохота там не слышал?

– Вроде нет...

Людочка уже закончила с формой и снимала перчатки. От нее пахло ацетоном.

– Какой грохот?

– Не грохот, там шумело что-то, – произнесла Людочка.

– Ха, шумело... – Витя грузно слез со стола. – Там гаражи, ты ж видел? Кто-то закричал...

– Менты, – убежденно сказала Людочка.

– Какие ж менты? Чего б это они шумели? Какой-то звук, потом побежал кто-то...

– Да, и вроде стекло разбилось.

– Так вы б сходили, посмотрели, – предложил я, только сейчас замечая по неверным движениям Вити и блестящим глазам Людочки, что оба они подвыпившие. Праздновали, наверное, тут, не отрываясь от трудового процесса.

– Та ну его на хуй! – с чувством сказал Витя. – Нет, я к этому отношусь негативно.

– А чего? Давай сходим, Витечка.

– А может, и сходим... – согласился он.

Я вернулся в коридор и встал между туалетом и душевой. Ворота в конце коридора приоткрылись, и внутрь заглянул мастер Руслан. Посмотрел на меня – мы с ним друг друга никогда не любили отчего-то – и поморщился.

– Ну, что у вас? – крикнул он. – А ты чего здесь?

– Задержался, – пробурчал я.

– Календари они закончили?

– Ага.

Он помолчал, внимательно глядя на меня. Губы у него были африканские – коричневые и пухлые. А нос вроде римский, сломанный. И шрам под правым глазом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.